

РЕВОЛЮЦИЯ
КУЛЬТУРНАЯ

The logo features the word "РЕВОЛЮЦИЯ" (Revolution) in a bold, sans-serif font, tilted upwards to the right. Below it, the word "КУЛЬТУРНАЯ" (Cultural) is written in a similar bold, sans-serif font, oriented horizontally. Three stylized lightning bolts are positioned behind the text, with one pointing towards the top right and two pointing towards the bottom right.

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание
сочинений
в тринадцати томах

Редакционный совет
*П. П. Гайденко, А. А. Гусейнов,
С. В. Казачков, В. Н. Миронов,
Н. В. Мотрошилова, Т. И. Ойзерман,
В. А. Подорога, В. А. Попов,
К. А. Свасьян, Ю. В. Синеокая,
В. С. Стёпин, И. А. Эбанюидзе*

Издательство
«Культурная Революция»
Москва

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание
сочинений

Седьмой том

*Черновики
и наброски
1869–1873 гг.*

Перевод с немецкого
А.И. Жеребина

Издательство
«Культурная Революция»
Москва 2007

ББК 87.3 Герм
Н70

Перевод А.И. Жеребин
Научное редактирование В.А. Подорога
Оформление И. Бернштейн
Подготовка примечаний А.А. Карельский

Ницше, Фридрих.

Н70 Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии.— М.: Культурная революция, 2005—

Т.7: Черновики и наброски 1869–1873 гг. / Пер. с нем. А.И. Жеребина; науч. ред. В.А. Подорога.— 2007.— 720 с.— ISBN 5–250–06002–1.

Предлагаемый перевод воспроизводит все содержание рабочих тетрадей Ницше 1869–1873 гг., в том числе наброски к «Рождению трагедии» и «Несвоевременным размышлениям», прозаические и драматические опыты Ницше, его дневниковые записи времен франко-прусской войны. Выполнен по немецкому академическому изданию под редакцией Д. Колли и М. Монтинари (Kritische Studienausgabe) и включает в себя с 1-й по 31-ю группы 7-го тома этого издания.

На русском языке издается впервые.

© Культурная Революция. 2007

© В.А. Подорога. Редакция перевода, 2007

© И. Бернштейн. Оформление, 2007

Содержание

7	Черновики и наброски 1869—1873 гг.	
	1. Осень 1869	9
	2. Зима 1869—1870 — весна 1870	43
	3. Зима 1869—70 — весна 1870	55
	4. Август—сентябрь 1870	83
	5. Сентябрь 1870 — январь 1871	89
	6. Конец 1870	121
	7. Конец 1870 — апрель 1871	129
	8. Зима 1870—1871 — осень 1872	203
	9. 1871	247
	10. Начало 1871	303
	11. Февраль 1871	319
	12. Февраль 1871	325
	13. Весна—осень 1871	335
	14. Весна 1871 — начало 1872	339
	15. Июль 1871	351
	16. Лето 1871 — весна 1872	355
	17. Сентябрь—октябрь 1871	369
	18. Конец 1871 — весна 1872	373

19. Лето 1872 — начало 1873	379
20. Лето 1872	471
21. Лето 1872 — начало 1873	473
22. Сентябрь 1872	481
23. Зима 1872–1873	485
24. Зима 1872–1873	505
25. Зима 1872–1873	509
26. Весна 1873	515
27. Весна–осень 1873	531
28. Весна–осень 1873	555
29. Лето–осень 1873	561
30. Осень 1873 — зима 1873–1874	655
31. Осень 1873 — зима 1873–1874	675

681 Примечания

Черновики и наброски
1869–1873 гг.

26. Весна 1873

26 [1]

Фалес

Парацельс. Место в гомеровских аллегориях.

Вода в новой химии. Лавуазье.

Облака, лед.

Анаксимандр

Анаксимен — воздух (Парацельс).

Становление как знак бренности.

Не *infininitum*¹, но *Indefinitum*².

ἄπειρον³ как причина мира становящегося? (Теория эманации, Спир.)

Гераклит

Становление как *творчество*, с. 347 и ранее Копп.

Предпосылка двух элементов для всякого становления.

Анаксагор

Круговое движение. *Динамическая* теория, пронизанность материи, с. 324.

Множество субстанций.

Становление как нечто вытекающее, уже не творчество.

Эмпедокл

Пронизанность в отдельных точках.

Привлекательное, репульсация. Притягательность. *Actio in distans*⁴. Четыре элемента. Две формы электричества, с. 340 Копп. Любовь и ненависть — чувства как причины движения. с. 310 Копп.

Демокрит

Атомы однородны. Бюффон против Ньютона, с. 311.

Разнородны, Гассенди.

---

1 Бесконечное (*лат.*).

2 Неопределенное (*лат.*).

3 Беспредельное (*греч.*).

4 Действие на расстоянии (*лат.*).

- Пифагорейцы 367 Копп. Спящий путешественник на корабле. Юбервег, III 53.
Продолжение атомистики, вся наука о механическом движении есть, в конечном счете, описание представлений. Соприкосновение. Actio in distans.
- Парменид Бернарден Телезиус.
Труды по истории физиологии Рикснера и Зибера III.
Определение субстанции у Картезия, см. Юбервег, III 52.
Взаимное воздействие при абсолютном различии тел. III 53.
Основы принципа противоречия, Юбервег, 111, 81.
Quidquid est, est: quidquid non est, non est¹.

26 [2]

Подражание природе.

«Мудрейший из людей по отношению к обезьяне — бог». Гераклит.

Эдип, «человек-страдание» разгадывает загадку человека.

26 [3]

Элеаты видели небо сплошь черным, как люди с луны.

26 [4]

Кардано разделяет людей на

- 1) просто обманутых
- 2) обманутых обманщиков
- 3) не обманутых необманщиков.

26 [5]

Демокрит { Sennerti physica Viteb<ergae> 1618
Magneri Demokritus reviviscens Ticini 1646

¹ Всё, что есть, есть; всё, что не есть, не есть (*лат.*).

Эмпедокл – Maignani cursus philosoph<icus> 1652
и 1673.

26 [6]

Темный океан метафизики.

26 [7]

Томмазо Кампанелла говорит, что пространство одушевлено, потому что оно избегает пустоты и жаждет заполниться.

26 [8]

Философов следует рассматривать одного за другим, как ряд портретов в картинной галерее: они находятся в том помещении, куда мы перенесли их для сопоставления, но не у себя дома; вот почему они так часто выглядят необязательными, как предметы роскоши, как поделки бесхарактерного, безыдейного художника. Между тем рассказывать следовало бы только о том, что они сами рассказывали о своих предшественниках, с которыми соприкасались и от которых отталкивались, то есть об их борьбе друг с другом.

26 [9]

Я хочу описать ряд великих философов и надеюсь, что тем самым смогу сделать более ясной саму сущность философии. Пусть я сделаю это не совсем философским способом, ориентируясь на воздействие того или иного философа. Но говорить о сути их воззрений напрямик я не считаю нужным, ибо чистое влечение к истине настолько чуждо этому миру, настолько необъяснимо, что надежды свои я возлагаю именно на то, что, показав, к чему это влечение приводит, я покажу хотя бы что-то. Верно, что существует оно не ради того, чтобы принести пользу, но не стоит сомневаться, что, если уж оно существует, то может быть и полезным. Тогда как само по себе оно так чуждо и бесчеловечно, что кажется не только не полезным, но даже несущим вред. Ибо влечение это противоречит всему, что обыкновенно дает людям счастье.

26 [10]

Есть только философы, т.е. друзья истины
или *враги истины*
или скептики.

26 [11]

У меня нет ничего, кроме ощущений и представлений.
Следовательно, я не могу думать, что ощущения
возникают из содержания представлений.

Все эти космогонии и т.п. родились из данных, до-
ставленных чувствами.

Мы не можем помыслить ничего, что не было бы
ощущением или представлением.

Тем самым — ни чистого существования времени, про-
странства, мира без того, кто ощущает и представляет.

Я не могу представить себе небытие.

Бытие существующего есть ощущение и пред-
ставление.

А небытие было бы чем-то таким, что не есть ни
ощущение, ни представление.

Представляющее не может «не представлять» себя,
исключить себя из представления.

Представляющее не может мыслить себя самое ни
как ставшее, ни как преходящее.

Невозможно и развитие материи, до появления
представляющего.

Ибо вообще нет этого противоречия материи и пред-
ставления.

Сама материя дана только как ощущение. Любое умо-
заключение о том, чего не было в ощущении, непозволи-
тельно.

Ощущению и представлению мы обязаны тем, что
верим в причины механического движения тел.

Мы можем свести их к движению и к числам.

26 [12]

Движение во времени

А   Б

·   ·

Пространственная точка А воздействует на пространственную точку Б, и наоборот.

Для этого нужно время, ибо любое воздействие совершает путь.

Моменты времени, следующие друг за другом, должны были бы совпасть.

Свое воздействие А оказывает уже не на то Б, каким оно было в первый момент. Так что же это означает: В еще существует, и также А еще существует, когда они встречаются?

Это должно было бы означать (прежде всего), что А осталось без изменений, тем же самым в тот и в этот момент времени. Но тогда А вовсе не действующая сила, ибо таковая не может оставаться той же самой; ведь это значило бы, что она не оказала воздействия.

Если брать воздействующее во *времени*, то в каждый мельчайший отрезок времени оно не тождественно самому себе.

Это означает: время доказывает *абсолютную несохранность* силы.

Все закономерности пространства мыслятся, следовательно, *вне времени*, то есть должны действовать одновременно и сразу.

Весь мир одним махом. Но тогда вообще отсутствует *движение*.

Движение обязано тому противоречию, что оно конструируется согласно пространственным законам и отменяет их полаганием времени: т.е. существует и не существует одновременно.

Здесь может помочь предположение, что либо время, либо пространство = 0.

Если принять пространство за бесконечно малое, то все промежутки между атомами будут бесконечно малыми, т.е. все точечные атомы совпадут в одной точке.

Но, поскольку время бесконечно делимо, весь мир возможен как чистый феномен времени, так как для каждого момента времени можно определить свою точку пространства и тем самым полагать

Перевод всех законов движения во временные пропорции.

Сущность ощущения заключалась бы в том, чтобы постепенно ощущать и измерять такие фигуры времени все тоньше и точнее; представление конструирует их как рядоположение и объясняет поступательное движение мира сообразно этому рядоположению: чистый перевод на другой язык, на язык становления.

Порядок мира был бы упорядоченностью фигур времени: правда, время надобно было бы мыслить в любом случае воздействующим с постоянной силой по законам, которые мы способны толковать только исходя из рядоположенности. *Actio in distans temporis punctum*¹.

В сущности у нас нет никаких средств, чтобы установить закон времени.

Тогда мы имели бы точечную силу, которая в каждый из позднейших моментов своего существования являла бы соотнесенность, т.е. ее силы состояли бы в этих самых фигурах и соотношениях. В каждый мельчайший момент сила должна была бы быть другой: но их последовательность подчинялась бы неким пропорциям, и наличный мир, по сути, был бы *обнаружением пропорций этих сил*, т.е. переводом их в пространственное.

Обычно в атомарной физике предполагается, что имеют место неизменные во *времени* силы атома, значит *ὄντα*² в парменидовском смысле. Последние, однако, не могут оказывать воздействие.

Воздействовать могут, напротив, только силы абсолютно изменчивые, такие, которые ни на миг не остаются теми же самими.

Все силы есть лишь *функция времени*.

¹ Мгновенное действие на расстоянии (*лат.*).

² Бытие (*греч.*).

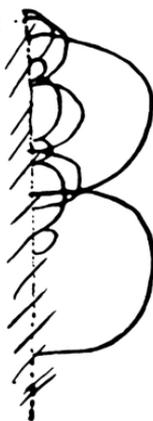
- 1) воздействие следующих друг за другом моментов времени *невозможно*: ибо такие моменты совпали бы. Следовательно, всякое воздействие есть *actio in distans*¹, т.е. осуществляется прыжком.
- 2) как становится возможным такое воздействие in distans, об этом мы ничего не знаем.
- 3) быстро, медленно и т.д. — в этом характер такого воздействия. Т.е. силы как функции времени обнаруживают себя через отношение к близким или далеким моментам времени, а именно как быстрые или медленные. Сила заключена в степени ускорения. Наивысшим ускорением было бы воздействие момента времени на ближайший к нему, т.е. он был бы тогда = бесконечно большим. Чем медленнее, тем больше промежутки времени, тем больше distans. Следовательно, соотношение удаленных моментов времени есть замедление: всякая медленность, конечно, относительна.

Линия времени
Реально:
точка пространства.

Соотношения
ее различных положений
во времени.

Где существуют
соотношения.

Нет никакого
постоянного
движения
во времени.

Мы измеряем
время, опираясь
на нечто, *оста-*
ющееся простран-
ственным, и пото-
му предполагаем,
что между точкой
времени А и точ-
кой времени В
имеется непре-
рывное время.
Но время — вовсе
никакой не кон-
тинуум, есть лишь

*абсолютно различные точки
времени, нет никакой линии.*
Actio in distans.

¹ Действие на расстоянии (*лат.*).

Есть основания говорить только о моментах времени, но не о времени.

Один момент времени воздействует на другой, следовательно, можно предположить *динамические* свойства.

Учение об атомах времени.

- Возможно 1) свести наличный мир к точечной атомистике пространства,
2) последнюю в свою очередь свести к атомистике времени,
3) атомистика времени совпадает, в конечном счете, с учением об ощущениях. *Динамический момент времени* идентичен *моменту ощущения*. Ибо не существует никакой одновременности ощущения.

26 [13]

Возможно, каждый из нас переживал в юности такой момент душевной смуты, когда говорил себе: «Если бы я мог стереть, сделать несуществующим все свое прошлое! И стоял бы чистый, как неисписанный лист, перед ликом природы, как первый человек, чтобы отныне начать новую жизнь, мудрее и лучше». Глупое и страшное желание. Если бы вся жизнь пожелавшего подобное действительно оказалась стертой с доски бытия, это означало бы, что вместе с несколькими нищенскими годами или десятилетиями его собственной жизни стерлись бы и бесчисленные предшествующие поколения людей. Ведь именно отголоски, следы их существования и есть то, что определяет наше собственное, как бы нам ни хотелось видеть нашу индивидуальность совершенно новой и небывалой. В действительности нет большего эгоизма, чем желание уничтожить а *posteriori*¹ все предыдущие поколения только потому, что у кого-то из пришедших позже имеется причина быть собой недовольным. Если бы в самом деле случилось так, что кто-то, обуянный страстью, крикнул бы: проклятие всем поколениям, из-за которых моя жизнь — —

---

1 Зд.: задним числом (*лат.*).

26 [14]

Великолепная беззаботность природы по отношению к культуре. Индивидов, которые несут на себе ее отпечаток, слишком мало.

Бакунин, который из ненависти к современности хотел бы уничтожить историю и прошлое. Очевидно ведь, что искоренить прошлое можно лишь искоренив самого человека: но он-то хочет уничтожить только ту *культуру*, которая была до сих пор, продолжение ее духовных тенденций. Новое поколение должно отыскать свою, новую культуру.

Человек достоин лишь того искусства, которое создано им самим.

Культура не переходит просто от одного поколения к другому. Она всегда под угрозой: она действительно может быть уничтожена на целые столетия.

Уничтожить культуру возможно.

Развалить ее даже очень просто, достаточно небольшого количества людей и лет.

Природа не приняла против этого мер предосторожности.

Поскольку *культура так изменчива*, она *легко поддается усовершенствованию*.

26 [15]

<Гёте> о хороших подручных 3 с. 59

Эккерман 3 с. 164 *греческий стиль*

3 с. 37 газетная полукультура масс

3 с. 45 о реформах без участия Бога

степень того, что человек может вытерпеть, определяет его глубину и серьезность, но также и данную ему радость.

26 [16]

В наше время общественное мнение почти что запрещает вести речь о дурных последствиях войны, тем более победоносно закончившейся, вследствие чего писатели, не имеющие кроме общественного мнения никакого другого, соревнуются, восхваляя войну, воспевая ее благо-

творное влияние на культуру, искусство и нравственность. Вопреки этому следует сказать: из всех дурных последствий, вызванных последней войной с Францией, пожалуй, худшая — это быстро распространившаяся и теперь почти всеобщая иллюзия, будто в той войне немецкая культура одержала победу над чужой культурой и потому заслуживает лавров, соответствующих такому исключительному событию. Между тем даже если предположить, что была война культур, масштаб, которым измеряется значение победившей, всегда очень относителен и при известных обстоятельствах вовсе не дает повода к победному ликованию и самовосхвалению. Вопрос в том, какова была ценность побежденной культуры, а была она, возможно, очень невелика, отчего и победа, при самых помпезных военных успехах, не дает победившей культуре никакого особенного повода для триумфа. С другой стороны, в нашем случае речь совсем не об этом. Победа была одержана благодаря качествам, ничего общего не имеющим с культурой, — суровой армейской выучке, военному искусству вождей, единству и послушанию подчиненных, и удивляться можно лишь тому, что культура так мало препятствовала этим требованиям войны, что она оказалась либо такой бессильной, либо законопослушно услужливой. Достаточно того, что после войны всё произошедшее выглядит по-другому и повсюду рассматривается иначе. Думают, что победила культура; все ремесла, все науки празднуют свое участие, и даже сообщество филологов и школьных педагогов не желает упустить популярную тему и восхваляет свое сословие как причастное к победе. Я ничего не желаю об этом говорить, неважно почему. Мне только представляется, что опасность для всех заключается в том, что такая в высшей степени двусмысленная, несложившаяся, лишенная национального значения культура, культура поистине постыдная, вдруг драпируется в плащ триумфатора. Бога ради, оглянитесь вокруг и поберегитесь. Еще одна такая победа и останется только германский рейх, но само германское начало будет уничтожено! Уже сейчас у меня едва достаёт мужества провозгласить какое-либо явление подлинно германским. Германские нравы, германский стиль общения, германские власти и представительные

органы — все имеет иностранный привкус и выглядит как бездарное подражание, отягощенное к тому же непониманием того, что оно — всего лишь подражание. Повсюду некая оригинальность по причине забывчивости. В этой беде я верю только в немецкий язык, которому и в самом деле единственному до сих пор удалось спастись, несмотря на всяческое смешение наций и смену времен и нравов. И я думаю, что волшебная метафизическая сила преобразовать множество в единство, разнородное в однородное заключена именно в языке. Вот почему мы нуждаемся в самых непреклонных стражах, чтобы они хранили этот язык, объединяющий, обеспечивающий нашу грядущую германскую сущность. Наши великие писатели несут священную службу, они на страже языка; а наша немецкая школа должна выполнить серьезнейшую задачу — обучить немецкому языку под надзором таких стражей. (Новое свойство немецкого языка: всё усваивать и всему подражать, европейская мозаика.)

И вот печальное следствие войны: немецкие писатели также приписали себе славу и преисполнились самоуверенности, как будто бы строгий суд потомков уже признал их бессмертие. Целый ряд новых классиков нахально вылутился на свет: журналы и газеты Европы венчали их царской короной, и за граница, одурманенная всё новыми заверениями, будто у нас великая культура и великие классики, впала в удивленное смятение. Представьте себе образованного англичанина, который знаком с великими немцами, а теперь до него через Ла-Манш доносится мнение, что снова существуют немецкие образцы и немецкие классики, что они подлинники соучастники и творцы грандиозных войн и побед, и потому стоят еще выше, чем прежние, которых менее всего увенчивали победными лаврами. К примеру, наш англичанин читает о том, что на страницах широко известных журналов обсуждается вопрос, является ли Давид Штраус самым великим стилем современности или лишь одним из нескольких равных ему талантов. И вот, охваченный горячим желанием познакомиться с этой современной классикой, он выпишивает труд, изданный четырежды за один квартал значительными тиражами, — «Старая и новая вера».

Теперь, после этого введения, пусть англичанин заговорит сам: он читает, перечитывает снова, удивляется, задает вопросы, вслушивается, изучает — и наконец хватается в отчаянии за перо, чтобы освободиться от всего, что вселило в него такое смятение, — он обращается напрямик к самому Давиду Штраусу.

Письмо первое.

Иностранец обладает некоторыми преимуществами, когда он пускается в диалог со знаменитым Давидом Штраусом на тему о том, что есть немецкий язык, тем более что он — — —

26 [17]

Если бы такой современный человек, как Штраус, имел что возразить великому писателю прошлого, он должен был бы делать это не иначе как стоя на коленях, чтобы, например, говорить с Гёте, 3, с. 137.

26 [18]

Внезапное обогащение народа таит в себе такие же опасности, как и внезапное перенасыщение научными знаниями. Путь от прозрения к жизни, от знания к умению, от вдохновения к искусству — этот путь предается забвению: начинают блаженно роскошествовать в сфере чистого знания. Спокойный упорный труд тех, кто шаг за шагом создает культуру, внезапно затопляется горделивым пафосом познания: никто не желает больше тратить силы на практическое исследование небольших проблем, предпочитая этому эгоистическое всезнайство. И подобно тому, как в последнее время возникло опасение, что знаменитые пять миллиардов могут обернуться проклятием, так и преувеличенное увлечение наукой грозит стать проклятием для нашей культуры.

26 [19]

Иллюзорная победа культуры.

Борьба против этого необходима, завершение ее маловероятно ввиду означенной иллюзии.

Отсутствует понимание того, что дело плохо.

26 [20]

О чтении и письме

1. Многочтение.
2. Многописание.
3. Стиль.
4. Речь.

26 [21]

Греческий и немецкий.

Борьба между римским и греческим.

26 [22]

Стиль. Авторы, которые сперва пишут плохо, а затем искусно оформляют.

Авторы, которые останавливаются на том, что пишут плохо.

Снижение уровня популярных сочинений.

26 [23]

Рождение трагедии.

Философы трагической эпохи.

Будущее наших образовательных учреждений.

О чтении и письме.

Соревнование.

Ритм.

Греческий и немецкий.

Байрейтское созерцание горизонта.

26 [24]

Против Давида Штрауса

В нем есть единство.

Стилист.

Воззрения на искусство.

Взгляды на жизнь.

Филистерская импотенция этой культуры. Резинья-
ция и деланная ясность духа.

Отсутствие чувства германского.

Pacific Nil¹.

---

¹ Тихий Нил (англ.).

27. Весна–осень 1873

27 [1]

Стиль Штрауса свидетельствует, что за свою долгую жизнь он прочитал много *плохих книг*, — прежде всего я имею в виду сочинения его *противников*.

В христианстве он забыл самое лучшее, великих отшельников и святых, короче говоря, гениальность, и судит как деревенский священник об искусстве или как Кант о музыке (который ценил только военный оркестр).

Когда французы начнут лучше понимать немецкий, они поднимут на смех вкусы немецких земляков: что за ученые, и поэты, и романисты, как гордятся они собой и как безвкусыны! Со стороны Штрауса было наглостью предложить народу Германии свое описание жизни Христа в качестве противовеса намного более значительному труду Ренана, а Вольтера ему и вообще не следовало касаться.

Штраусу мнилось, что он разрушает христианство, указывая на мифы. Но сущность религии состоит именно в том, что она обладает силой и свободой творить мифы. Противоречия с разумом и с современной наукой — ее триумф. У него нет ни малейшего понятия о фундаментальной антиномии идеализма и о весьма относительном значении всех наук и разума. Или: именно разум должен был подсказать ему, как мало дает разум для понимания сути вещей.

27 [2]

Он никогда не видит, в чем состоит проблема. Он берет христианство, искусство всегда в их сниженном, демократическом, обедненном варианте и опровергает именно его. Он верит в современную культуру — но античная была куда более великой, и все же христианство одержало над нею верх. Он не философ. У него отсутствует чувство стиля. Он и не художник. Он — *магистр*. Он демонстрирует магистерский тип образования, присущий нашей буржуазии.

Иметь убеждения — *за пределами* его возможностей: ученый погиб в нем потому, что он хотел казаться философом. А в результате появилось на свет магистерское мировоззрение — несвободное, скудное, ограниченное.

План сочинения: под конец две ниши для поучения.

Он плохой стилист и малозначительный автор, к тому же пишущий не в своей области. В любом случае — старик. Что говорится у Гёте насчет *Système de la nature*¹?

С. 257: до смешного ослабленное воспроизведение сильного выражения Прудона.

У Штрауса нет связи, все только обрывки. Его дарвинизм не согласуется с его этикой, первый должен был бы породить этику *bellum omnium*² и высшей утилитарности и власти. Понятие вида как нравственный принцип совершенно недостаточно. Это предполагает понятие идеала. Но откуда же возьмется идеал у того, кто не знает еще никакой этики? Понятие идеала можно вывести только из этики, следовательно, понятие идеала не может быть нравственным критерием для человека.

27 [3]

Штраус допустил ляпсус, когда решил написать о жизни Иисуса. Ему следовало бы сосредоточиться на исторических трудах. Но раз уж он взялся за это, то не должен был забыть об истинном христианстве, о монашестве.

27 [4]

Против писателя Давида Штрауса.

27 [5]

Если «Мы» Штрауса действительно так многочисленны, то верно пророчество Лихтенберга о том, что нынешние времена снова должны называться *темными*.

27 [6]

Для Штрауса Иисус — человек, которого он засадил бы в сумасшедший дом.

---

1 Система природы (*фр.*).

2 Войны всех (*лат.*).

27 [7]

Немецкому писателю Давиду Штраусу.
Письмо иностранца.

Кто-то мне однажды рассказывал, что Вы еврей и потому не вполне владеете немецкой речью.

27 [8]

Весьма утешительно, что когда кто-либо становится старым и пишет свое литературное завещание, его можно начать забывать и больше не читать — а это положительный результат. Только что написанное завещание передает его мудрость в наследство тем, кто «нищ духом», потому что они ничему не учились или читали плохие книги, например только свои. В первую очередь в наследство вступают нищие духом читатели газет и посетители концертов. Евангелие для лейпцигского Гевандхауса¹.

Он идет в свою каморку и играет камерную музыку — «так мы живем, так мы живем, так мы живем изо дня в день».

27 [9]

Вам ни в коем случае не позволено восхвалять Лессинга, ибо вы ведь имеете в виду только *вас* самих. О том, что этот замечательный человек погиб среди вас, тупоумных подмастерьев, вы не имеете понятия. В том, что он бросался в самые разные сферы, не было ничего хорошего, поэтому он ни в одной не достиг истинного величия. Гервинус. Грильпарцер.

27 [10]

Ян, которому «Песнь к радости» казалась неудачным сочинением.

27 [11]

Аристотель считал, что произведения стариков следует уничтожать.

---

¹ Лейпцигский симфонический оркестр. — *Прим. зав. ред.*

27 [12]

Лихтенберг: «Я знаю, что знаменитые писатели, которые были по существу поверхностными умами — что в Германии хорошо сочетается, — при всем их тщеславии воспринимались лучшими умами, которых я мог опросить, как умы поверхностные».

27 [13]

У меня так же мало охоты выслушивать суждения Штрауса о жизни и о философских вопросах, как и таковые Моммзена, Фрейтага или Гервинуса.

27 [14]

Он знаменит так же, как знаменит путешественник, открывающий уже известные страны: тот же самый труд, затраченный на финские сказания, сделал бы ему хорошее имя среди ученых, но не принес бы ничего, чего не имеют тысячи других. Знаменитым его сделала глупость теологов.

27 [15]

Большой художник мог бы сегодня возродить христианство, прежде всего его праздники. Об этой привилегии гения имел представление Клопшток.

27 [16]

К стилю они относятся так же, как к искусству: к искусству, как к жизни: а именно пошло, поверхностно, расслабленно.

27 [17]

Много ли нужно *мужества* признавать дарвинизм, говорить «не христиане», но во всех реальных жизненных вопросах бояться утратить жалкие удобства.

27 [18]

Бесхарактерный и равнодушный тон как выражение здоровья.

Древнее как выражение немецкой силы.

Образ, и именно образ, взятый из современнойшего мира как знак вкуса, притом именно современно-го вкуса.

Он страстно желает быть *большим популярным* писателем: ложное понятие популярности.

Он относится к числу тех, кто в известном возрасте неспособен понимать *Канта*.

Классическая древность для него не существует.

«Завет современных идей!»

Разве нужно что-нибудь понимать в том предмете, который сделал тебя знаменитостью?

27 [19]

Вы называете себя Давидом Штраусом, я хорошо понимаю, в чем Ваша хитрость: Вы хотите дать понять немецкой публике, насколько беден и несостоятелен подлинный Давид Штраус, как мал и незначителен его писательский талант. Но как же обидно Вас не поняли! Повсюду к Вам относятся серьезно: и даже Ваш стиль, смешную карикатуру, восхваляют как нечто единственное в своем роде.

Я хочу показать Вам, что я вас понял.

27 [20]

- Письмо
1. Желание быть в качестве автора *наивным и популярным*, даже гением. Цена формы.
  2. Архаизмы, неологизмы.
  3. Спутанность образов.
  4. Гегель и газеты — как будто противники.
  5. О Лессинге.
  6. Великие музыканты.
  7. Дарвинизм и этика.
  8. Отсутствие философии.
  9. Редукция к теологии. Все остальное вычеркнуть.
  10. У него нет понятия о христианстве.

27 [21]

Лихтенберг: «Можно чувствовать удовлетворение от своих собственных достижений, чуть ли не восторгаться собой, а человек искушенный посмеется над нашим творением». «В Республике ученых встречаются мужи, которые, не имея никаких подлинных заслуг, пользуются очень большим авторитетом. Мало кто задумывается над ценностью того, что ими сделано, а тех, кто знает, какова она в действительности, сочли бы очернителями, выскажи они свое мнение. Причина в том, что истинно великий человек обладает качествами, оценить которые может только другой великий; другой же, только притворяющийся великим, имеет свойства, нравящиеся толпе, а она затем переубеждает и разумных». «Часто бывает, что умные люди, сочиняя книги, заковывают свой дух в форму, которая определяется их представлением о стиле, точно так же, как они корчат рожи, когда их рисуют». Штраус пытается состроить лицо то Вольтера, то Лессинга.

27 [22]

Письма иностранца немецкому писателю Давиду Штраусу.

27 [23]

Больно сознавать, что человек может состариться и не стать *мудрым*. По поводу Штрауса я каждый раз себя спрашиваю: как же ему удалось дожить донныне?

Толпа нефилософична, а Штраус принадлежит к толпе.

Его «аристократизм натуры» совершенно непоследователен и надуман: вот он-то и стал знаменитым.

27 [24]

Бездушная мозаика слов, соединенных по правилам европейского синтаксиса, — вот что скоро будет называться немецким языком. Мы теряем язык все больше и больше, а нам следовало бы знать, что он для нас означает — немецкое начало! Мы получаем германский рейх в тот самый момент, когда мы уже почти перестали быть немца-

ми. *Абстрактный европейский человек*, который всему подражает, и к тому же плохо —

Ведь что такое немецкие нравы — в большинстве случаев плохие и застывшие подражания, которые как таковые и были забыты.

Утрачена, кажется, также и строгость мысли, ибо «классиками» становятся проходимцы и бездельники. Я не нахожу больше ни одного качества, которое решился бы назвать немецким. Война сильно ухудшила дело. Говорить о плохих последствиях войны почти запрещено; я сделаю это и скажу: наихудшее последствие в том, что победа создает видимость, как будто бы победила немецкая культура и поэтому она достойна похвал.

27 [25]

Вы говорите нам, что Вы стары. Вот что пишет Лихтенберг: «Я думаю, что даже при ухудшении памяти и снижении умственных сил все еще можно писать хорошо, если только не делать ставку на один момент и, когда читаешь или размышляешь, постоянно записывать на будущее. Несомненно, что все великие писатели так именно и поступали». — Нет, Вы не старик, потому что Вы полагаетесь на один момент!

«Популяризацией надобно заниматься так, чтобы с ее помощью помогать людям расти. Когда к кому-либо снисходишь, всегда надо думать о том, чтобы хоть немного приподнять над собой тех людей, к которым снисходишь».

«Писать просто рекомендуется хотя бы уже потому, что ни один честный человек не станет пользоваться искусственными и вычурными выражениями». «Мне всегда больше по душе тот, кто пишет так, как только еще станет модно, а не так, как модно уже теперь». «То, как мы о чем-то говорим, имеет такое большое значение, что, думается, даже о самых обыкновенных вещах можно говорить так, что у других будет впечатление, будто эти мысли внушил говорящему сам дьявол».

27 [26]

Давид Штраус как писатель и мастер языковых выкрутасов.

27 [27]

Шопенгауэр: «Вот почему такие охотники исправлять язык должны быть, невзирая на лица, подвергнуты наказанию как нерадивые школьники. Пусть каждый, кто стремится ко благу, каждый разумный человек встанет вместе со мной на защиту немецкого языка против немецкой глупости».

27 [28]

Это *грубые эмпирики*: наши школы совершенно неудовлетворительны. Состояние крайне тяжелое. Полицейский *запрет* любой газеты, где допускается малейшая языковая ошибка.

27 [29]

Влияние Гегеля и Гейне. Последний разрушает чувство цветового единства стиля и любит камзол Ганса Вурста, пестроту и переменчивость красок. Его остроты, его образы, наблюдения, слова не подходят одно к другому, но, как виртуоз, он владеет всеми стилями, чтобы все их перемешать. У Гегеля цвет безутешно серый, у Гейне — сверкание электрических переливов цвета, ужасно утомляющих глаз, так же как однообразно серый. Представьте себе мимически, как это у Гегеля и Гейне. Один — *factor*¹, другой — *farceur*².

27 [30]

Пугающая разбросанность гегельянства! Даже тот, кто сумел спастись, как Штраус, уже никогда не излечится до конца.

Два несчастья постигли Штрауса: сначала его захватило и закружило гегельянство, тогда как серьезный философ мог бы дать ему направление. Затем он под влиянием противников вбил себе в голову, что его дело должно быть популярным и что сам он популярный автор. Вследствие этого он никак не мог перестать быть теологом и никак не мог вернуться к началу, к строгому следованию

---

1 Трудяга (*лат.*).

2 Балагур (*фр.*).

требованиям своей науки. И вот он попытался по возможности избавиться от Гегеля и от теологии — напрасно. Первый обнаруживает себя в плоском мировоззренческом оптимизме, для которого прусское государство есть конечная цель всемирной истории; вторая — в раздраженных выпадах против христианства. У него нет стержня, и он бросается на шею государству и заклиняет успех; всё его мышление не *sub specie aeternitatis*, но *decennii vel biennii*¹. Так становится он «классиком черни», как Бюхнер и т.п.

27 [31]

Unusquisque mavult credere quam iudicare.² Seneca.

27 [32]

Тот, кто знает, как трудились древние и насколько не дают себе труда новые, легко придет к решению вообще не читать, что пишет этот сброд.

Прежде всего нужно знать, что ты скажешь о чем-то лучше, чем любой другой. Затем следует продумать этот предмет во всех его частях, как они связаны между собой.

Первый вариант текста служит лишь тому, чтобы найти общий ход и параметры, *totum ponere*³: в любом случае это главное для содержания. Как правило, находят также верные краски. Но все в целом еще отягощено множеством недостатков, там и сям пока временные строения, повсюду пыль, видны следы работы, ее тяжести. Вся отделочная работа, которая после этого необходима, у Штрауса отсутствует: пусть даже *totum ponere* можно счесть удавшимся.

Totum ponere удачен постольку, поскольку вся книга по крайней мере отражает *некий* тип человека, так что даже большие противоречия и половинчатость вписываются в общую картину. Ведь предметом ее является вера, а не философия, и потому можно не стыдиться бедности мыслей, поскольку важнее всего этос. Этос обнаруживает

1 С точки зрения вечности... десятилетия или двухлетия (*лат.*).

2 Всякий предпочитает принимать на веру, а не рассуждать (*лат.*).

3 Объять всё (*лат.*).

смелость, импонирующую филистеру и проявляющуюся в подходе к религиозным вопросам, в естественно-научных суждениях и т.п. В остальном, а именно в том, что касается учения о жизни, напротив, все существующее предстает довольно-таки разумным: несколько благочестивых пожеланий, требование всеобщего избирательного права, сохранения смертной казни, ограничения права на стачки, а также введения «Натана» и «Германа и Доротеи» в программу начальной школы — вот и все. В остальном «раз мы живем, то тем и счастливы!»

27 [33]

Он неверно понял легкомыслие великих писателей: им виделся изящный загородный дом, полная противоположность неуклюжему проекту Штрауса; не достает как раз легкости и изящества. Поверхностность, непродуманность — еще далеко не изящество.

27 [34]

Закономерности природы и разумность используются Штраусом для одурачивания. Ему действительно нужна целая космодицея.

«Богоугодный» — значит «соответствующий законам природы»!

Ах, Вы кокетливый старик! Плутующий магистр!

27 [35]

У Лессинга была большая, беспокойная, играющая налитыми мускулами сила молодого тигра.

Новая вера не в силах двигать горами, но словами — сколько угодно (к вопросу о стиле).

27 [36]

Вам приходится признать, что я обращаюсь не к «верхним галереям», когда борюсь с Вами.

27 [37]

Ведут речь о геологических и дарвинистских процессах: при этом думают, что субъект вечен. Мысленно

устранить его совершенно невозможно. Все естествознание произвольно исходит из единства субъекта, его вечности и неизменности. Наш мозг, наши глаза — это уже нечто *extra nos*¹ или *praeter nos*². Мир не есть свойство мозга, а сам мозг есть часть этих ощущений и представлений. Не мозг мыслит, а мы мыслим мозг: сам по себе он не обладает никакой реальностью. Ощущение есть единственный кардинальный факт, который мы знаем, единственное истинное качество. Все законы природы сводимы к законам движения: вообще без всякой материи. Если продумать все до конца, то констатировать можно только законы ощущений. Для чего-либо «в себе» это вообще ничего не дает.

Идеальность мира — не гипотеза, а единственный неопровержимый факт. Бессмысленно верить, что ощущение всякий раз можно объяснить исходя из движения или чего-то другого. Ощущение невозможно объяснить из чего-то другого, потому что ничего другого не дано.

27 [38]

Там, где Гейне и Гегель повлияли одновременно, как, напр., у Ауэрбаха (хотя и не прямо), и к этому прибавляется естественная чуждость немецкому языку, проистекающая из национальных причин, там возникает жаргон, где неприемлемо каждое слово, каждое словосочетание.

27 [39]

Штраус говорит: «Это было бы неблагодарностью по отношению к моему гению, если бы я не радовался тому, что наряду с даром беспощадно разьедающей критики мне дана еще и безмятежная радость эстетического оформления мысли. С различных сторон мне была оказана честь, на которую я даже не претендовал — считать меня своего рода мастером классической прозы». И правда, Вы на это не претендовали, но сделали все, чтобы этого не заслужить.

«Наше время, которое чтит бесформенное как возвышенное» — иронически применить к самому Штраусу.

---

1 Вне нас (*лат.*).

2 Помимо нас (*лат.*).

Мерк: «Такую дрянь больше не делай, это могут и другие». Послесловие, с. 10. У одного из моих друзей имеется подборка классических образцов вольтеровского стиля.

27 [40]

На место «*Царства Божия*» заступило, похоже, просто «*царство*» — т.е. рейх.

27 [41]

Нарочитая поверхностность — он всё делает лучше всех. Домашние концерты Рила.

Крайне необходимо, чтобы мы могли слушать ораторов, способных на сильные призывы, вместо плохих проповедников. Огромная художественная задача!

Пытаться удержать мировой *разум* в качестве религии очень неразумно и во всяком случае приблизительно такое же безумие, как утверждать, что единица равна трем — вопрос веры.

То, что Штраус имеет против антиномии бесконечного, страшно глупо. Он абсолютно не понимает, о чем идет речь.

27 [42]

Штраус, с. 10: «Есть вещи, которые сознание словно *в полусне* связывает друг с другом, но, когда пытаешься придать этим связям твердую форму в словах и предложениях, выясняется, что ничто *не согласуется*».

27 [43]

Религиозная реакция: «он себя колет».

27 [44]

Штраус, с. 11: «С другой стороны, мы хотим знать, сослужит ли нам это современное мировоззрение такую же службу, какую верующим сослужило христианство, и лучше ли сослужит или хуже, насколько оно пригодно к тому, чтобы основать на нем здание истинно человеческой, т.е. нравственной и благодаря этому счастливой жизни». Ответ находим на с. 366: «Кто не умеет в этом помочь себе сам, тому ничем не поможешь, тот еще не созрел для нашей точки зрения».

Это задумано как катехизис *современных идей*; «он стремится указать направление, следуя которому можно обрести твердую почву под ногами» — «а именно современное мировоззрение, в тяжких трудах завоеванный результат прогрессирующего изучения природы и истории». Затем он противопоставляет старую веру новой науке. *Искусство* и *философия* забыты.

27 [45]

«*Роль*», с. 35 дважды, с. 143.

«По незнакомым и пересеченным тысячью обрывов дорогам не ходят размеренным шагом». Но надо ли выдумывать себе танцующую походку?

27 [46]

Филистер, который ощущает себя гением и соответственно себя ведет.

27 [47]

Мужество и последовательность.

Гейне, Гегель, чувство стиля.

Totum proterge и разработка.

Недостаток философичности.

Искусство.

Христианство.

Он эксплуатирует аристократический *гений*, как

Бисмарк — социал-демократию. Но Штраус против социал-демократов в пользу буржуазии весьма неохотно.

Он движется перед своим «Мы», как дымовая завеса.

27 [48]

«Кротовая изворотливость мысли».

27 [49]

Филистер, который желает вести себя как гений.

Морально.

Мужество и последовательность, насколько далеко они простираются?

Интеллектуально.

По-вольтеровски легкомыслен. Не пускается в философию.

Хвалит (Кант), советует, порицает
как гений.
В искусстве классичен.
Литературно. Освобождается от влияния Гейне,
Гегеля, но как!
Хочет создать Евангелие новых идей.
Гениальность плана книги!
Выполнение.
Пробелы.
Влияние на молодежь.

27 [50]

Шопенгауэр сказал бы о Штраусе: автор, которого не стоит даже перелистать, не говоря уж о том, чтобы изучать, за исключением тех, кто хотел бы осознать степень современной тупости.

27 [51]

Эмпедокл говорил об агригентинцах: они так предавались наслаждениям, будто на следующий день должны были умереть, и строили так, будто собирались жить вечно. Штраус строит так, будто его книга завтра умрет, а ведет себя так, будто она не умрет вообще никогда.

27 [52]

Возникновение образованного филистера. Само по себе образование всегда дело очень узких кругов. Филистер в собственном смысле слова от него далек. Ученый — фигура переходная, он верил в классическую древность, художники казались ему сомнительными союзниками. Гегель ввел в университетское преподавание очень много эстетики. Читатели альманахов — постоянная аудитория, вечерние газеты. В 50-е годы реалисты, Юлиан Шмидт. Постепенно публика публичных лекций формируется как самостоятельная сила, у нее свои симпатии, свои условия и т.д. Филистер не ощущает ни недостатков культуры, ни воли к эксперименту у Шиллера и Гёте. Он исходит из сильного шовинизма. Чересчур поспешное усвоение Гегеля и его учеников породило мнение, будто мы на высоте.

27 [53]

1. Победила ли немецкая культура?
2. Образованный филистер и культура.
3. Символ веры такого филистера.
4. Как он живет.
5. Его дух, как он проявляется в хвале и хуле, а также в оптимизме.
6. Граница его духа.
7. Религия ученых.
8. Политическая своевременность, *sub specie bienii*¹.
9. Стиль современности.
10. *Totum ponere* у Штрауса.
11. Стиль в деталях.
12. Заключение.

27 [54]

Наши университеты не имеют никакого значения для искусства, это следует подчеркнуть. Штраус как крайне неэстетическая натура.

27 [55]

Из дикого месива философии, романтизма и экспериментирования всяческого рода родилась в конце концов невероятная уверенность во всем, что касается развенчаний и осуждений, — от непрерывных упражнений в этом деле — и как следствие этого доверие тех, *кто сам не производит*, к своей *собственной культуре* как некоему масштабу. В чем же состояло тогда положительное? В *известном довольстве*, которое было противоположностью тому самому практическому экспериментированию; *довольство собственной жизнью*. К тому же нашлись и таланты, возвеличивавшие это чувство, идиллическую обустроенность немца, ученого и т.д. Эти довольные стали пытаться приспособить к себе классиков, а всё живое, производительное, они высокомерно отвергали; они привели себя в состояние покоя и изобрели эпоху эпигонства. Отто Ян и Моцарт. Девятая симфония и Штраус. Гер-

¹ С точки зрения двухлетия (лат.).

винус и Шекспир. Все великое надлежало понимать исторически. Все живые силы проявляли себя в области истории, в отрицании и разрушении выродившихся современных влечений, напр. ортодоксии. Предпосылкой всюду служил религиозный либерализм. Историческое направление сделало невозможным всякий фанатизм.

1) оно не требует никаких изменений в воспитании и т.д.

2) оно дает ученому превосходство в вопросах вкуса.

27 [56]

Филистер есть именно *ἄμουσος*¹: поразительно, как он *несмотря* на это постоянно испытывает желание участвовать в решении вопросов эстетики и культуры. Я думаю, переходной фигурой был школьный учитель: тот, кто в силу профессиональной необходимости занимался классической древностью и потому решил, что должен усвоить и классический вкус.

27 [57]

Давид Штраус как исповедник и писатель.

Несвоевременные размышления
иностранца.

27 [58]

Если полемические сочинения всегда вызывают восхищение только у той партии, к которой принадлежит автор, то очень мало надежды, что это сочинение вызовет когда-нибудь восхищение. И сам Давид Штраус должен будет с огорчением признать, что его книга, вызывавшая «громкое ликование высших сословий», именно этим ликованием и опровергается. Атака на нее, которая предпринимается здесь, окажется, пожалуй, для Штрауса скорее полезной, а нападающему не повредит только потому, что он себя не называет. После этой подготовки да начнется бой: в качестве свидетелей я желаю себе именно тех, кто является сторонником новой, содержащей его символ ве-

¹ Чуждый музам, невежественный (*греч.*).

ры книги доктора Штрауса и радуется тому, что нападающий с самого начала и добровольно выбирает себе слабую позицию. А какая позиция может быть слабее, чем позиция одинокого иностранца, который упрекает немцев в том, что эта книга имела всеобщий успех в Германии? Который расценивает ее как свидетельство падшей культуры?

27 [59]

Претенциозность исповедания веры. Кто исповедует? Партия, Мы. Описание «Мы». Образованный филистер и генезис.

Типичность Штрауса.

Писатель. Не хочет казаться филистером.

Признание Штрауса в его приверженности филистерской культуре.

Как писатель (он сам свидетельствует о том, что принадлежит к филистерской культуре).

27 [60]

Одержала ли немецкая культура победу? Нет. Но она в это верит. О том, как обстоит дело с *образованием*, можно понять

- 1) из самих признаний
  - а) из того, что она решается делать признания
  - б) из характера признаний.
- 2) из результатов писательской работы: непосредственной.

Результат. Над чем она одержала победу. Не над французской культурой, а над *немецкой* и над немецким гением.

27 [61]

Победила ли немецкая культура?

Торжествующий образованный филистер. Его генезис. Делает признания.

Его жизнь, отношение к искусству.

Философия, наглость.

Характер его мужества.

Религия ученых.

Классический писатель.

Фривольность.
Образчики стиля.

27 [62]

Если бы речь шла только о плохом стилисте! Но весь народ аплодирует! Он выражается как человек, который каждый день читает газеты.

27 [63]

Здоровье.

Помогло восхищение древнегерманским.

Обыкновенный филистер любит трезвость и отчетливость; но Штраус слышал о простоте гения! И вот он хочет писать образно и т.п.

27 [64]

1872. Первое издание «Рождения трагедии».

1873. Второе издание «Рождения трагедии».

Штраус.

Будущее образовательных учреждений.

Доплатоновские философы.

27 [65]

Филистер от культуры не знает, что *культура*—это *единство стиля*.

Он успокаивается на том, что есть классики (Шиллер, Гёте, Лессинг), и забывает, что они *искали* культуру, но что они вовсе не фундамент, на котором можно было бы покоиться.

Потому он и не понимает еще живущих искателей культуры, как это для них серьезно.

Он думает, что жизнь, гешефт следует отделять от культурного отдыха. Он не знает культуры, которая непрерывно требует.

Немецкие авторы ориентированы на подражание природе, будь то крестьянская жизнь или городская, т.е. они обречены на идиллию или на сатиру. У них отсутствует естественное отношение к высшим, *чистым* формам, потому что их действительность неэстетична и не дает для этого образцов.

Наше время – время нестилизованного *портретного искусства*, короче, *иконических искусств* и историографии.

27 [66]

К введению. *Событие* для нас – не эта Штраусом написанная книга, а только ее *успех*. В ней нет ни одной мысли, которая стоила бы того, чтобы быть отмеченной как хорошая или новая.

У нас нет культуры, а только цивилизация с модными культурными веяниями, но еще больше с варварством.

Мы и в языке еще не имеем *стиля*, одни эксперименты.

Наша «культура» не могла одержать победу над французской, ибо мы как и прежде от нее зависим, а в самой французской культуре не произошло никаких изменений.

«Филистер, не желающий признавать, что он варвар», – высказывание Фишера о Гельдерлине.

У вас нет никакой культуры, даже плохой или выродившейся, ибо и такая обнаруживала бы единство стиля.

Немецкая «беседа», как и немецкая «речь», подражательна. Наша «салонная» общительность, наши парламентские ораторы!

Где взять фундамент, на котором можно было бы строить культуру!

27 [67]

По Гераклиту: умнейший филистер (человек) по сравнению с гением (богом) – обезьяна.

27 [68]

Трудность стать хорошим писателем.

- 1) недостаток речевой культуры и практики. Порча вкуса от публичных речей.
- 2) недостаток письменной практики и строгости метода в школах.

Несмотря на это, легко добиться похвал. Особенно от ученых. Они не обращают внимания на творческие черты, а судят по отсутствию *раздражающих элементов* и исходя из несколько школярского представления об образности, живости.

Лессинг кажется мастером комического диалога на сцене. Гердер – пасторальным, Гёте нравится искусством вымысла, женственностью.

Но в атмосфере газетной культуры «отсутствие раздражающих элементов» становится все большей редкостью: реакция на раздражение притупляется. Правильность почти отождествляется с трезвостью и засушенностью, которые, как кажется, гарантируют вышеуказанное «отсутствие». Писать так, как пишут все, т.е. как газетные писаки, а они хватают первое попавшееся слово.

От образов требуется, чтобы они были современными, потому что все остальные, как считается, уже были.

Дидактическое завоевывает себе доверие длинными предложениями, убеждающее, остроумное – короткими предложениями.

Напишут ли когда-нибудь позитивную лингвистику пошлого стиля? Ложное понимание элегантности! Да и откуда взяться другому?

27 [69]

Гельдерлин к Германии:

Ты еще медлишь, молчишь, еще обдумываешь радостный труд, / Который расскажет о тебе, обдумываешь новое творение, / Которое одно будет как ты, / Рожденное из любви и блага, как ты. // Где твой Делос, где твой Олимп, / Чтобы нам всем встретиться на возвышенном празднестве? / Но как догадаться твоему сыну, что / Давно готовишь ты своим, Бессмертная? //

27 [70]

Неверно с. 10б: «ведь давно известно, что Бог, *вездесущий*, не нуждается в особом месте».

С. 44: «так Шлейермахер снова на свой лад выводит богочеловека».

Дидактический смысл передается нагнетанием абстракций, убедительность достигается смешением красок, посредством «ослепления».

27 [71]

Следующая глава: Небеса в небесах – чествование героев – Лессинг.

27 [72]

Хорошо вымытые люмпены одеваются хотя и опрятно, но все равно по-люмпенски.

27 [73]

Путаница в образах.

Искусственная краткость, вызывающая неясность.

Безвкусица и взвинченность.

Ошибки.

Предисловие, с. 6: «который против нападения—обеспечил себе широкий тыл».

С. 12.

27 [74]

Изящные выражения

27 [75]

Давид Штраус

как исповедник и писатель.

Несвоевременные размышления

Фридриха Ницше.

27 [76]

Шестой и пятый века у греков.

Этически—политически.

Эстетически.

Философия.

27 [77]

Все естественные науки имеют дело с законами ощущения.

Ощущение не есть действие органов чувств, но сами органы чувств известны нам только в качестве ощущений. Не глаз видит, а мы видим, не мозг думает, а мы думаем. Глаз, как и мозг, дан нам только как ощущение, ни в коей мере не больше, чем все вещи *extra nos*¹. Наше тело есть также нечто вне нас, как и все другое, т.е. оно известно нам в качестве ощущения, как и другие вещи.

---

1 Вне нас (*лат.*).

27 [78]

Предисловие

Книга, которая в течение года выдерживает шесть больших тиражей, может, тем не менее, не иметь никакой ценности; но именно в этом случае каждому, кто не знает более важной заботы, чем забота о своем народе, чрезвычайно важно, даже необходимо, знать, что аудитория книги действительно велика. Только успех книги Штрауса, не сама книга, подтолкнул меня к нижеследующим размышлениям. Должно быть, для меня мало-помалу стало невыносимо, что среди всех возражений, которые были сделаны Штраусу, не нашлось ничего, что было бы достаточно хорошо продумано в целом и могло объяснить, каким образом такая незначительная книга снискала такой скандальный успех. Если Гёте говорит, что враги талантливой вещи бьют по костру, отчего угли разлетаются и вызывают пламя, то в этом случае я могу быть уверен по крайней мере в одном: что я не враг талантливой вещи.

27 [79]

*Новое.*Часть вторая: *История.*

Платон и предшественники.

Три исследования.

2-е издание

Часть первая: Штраус

Рождение трагедии.

27 [80]

К заключительной главе.

Время не может принять более опасного направления, чем в том случае, когда оно от иронии над собой переходит к цинизму.

27 [81]

История — ослабляет способность действовать и не позволяет разглядеть *образцы* для подражания, запутывает в массе.

Попусту растраченная энергия, направленная на полнотью прошедшее.

Историческая болезнь как враг культуры.

Преувеличение – признак варварства. Мы преувеличиваем страсть к знаниям.

Лишь старик живет одними воспоминаниями.

Не почитать историю вы должны, а иметь мужество *делать* историю.

28. Весна–осень 1873

28 [1]

Человек науки — настоящий парадокс: он живет, со всех сторон окруженный ужасающими проблемами, он ходит по краю пропасти и срывает цветы, чтобы сосчитать, сколько у них тычинок. Это не тупость, сопровождающая процесс познания: ибо он горит желанием познать и открывать, и не знает большего наслаждения, чем умножать сокровища знаний. Но он ведет себя как самый гордый из праздных баловней счастья; как будто существование — это не горькая и сомнительная участь, а прочное, навеки гарантированное владение.

В наши дни он обречен к тому же на такую спешку, будто наука — это фабрика и любое минутное промедление карается штрафом. Он трудится и не занимается больше собой, не смотрит ни влево, ни вправо, наскоро расправляется с житейскими делами и проблемами, уделяя им внимание только наполовину и с тем недовольством, которое свойственно утомленному работнику, мечтающему об отдыхе. Он ведет себя так, как будто бы жизнь для него — только *otium*¹, но *sine dignitate*²: словно раб, который и во сне не бросает своей ноши. Быть может, чтобы отдать должное большинству ученых, стоило бы увидеть в них землепашцев: получив в наследство маленький клочок земли, они трудятся на нем упорно и терпеливо, с утра до ночи возделывают поле, ходят за плугом и понукают быков.

Паскаль полагал, что люди так старательно трудятся над своими делами, своими науками, чтобы спрятаться от вопросов, которые настигают их, как только они остаются в одиночестве, — Откуда? и Как? и Куда? Но намного удивительнее, что им не приходят в голову вопросы ближай-

---

1 Отдых (*лат.*).

2 Без достоинства (*лат.*).

шие: зачем эта работа, зачем эта спешка, зачем этот сон наяву? Может быть, чтобы заработать на хлеб? Нет. Ответ в том, каковы сами зарабатывающие. Все науки становятся бессмыслицей, если люди относятся к ним как к средству удовлетворения своих нужд и потребностей. Культура возможна и без этой вашей науки, что доказывает пример греков. Простое любопытство недостойно столь гордого имени. Если вы не способны подмешать в вашу научную жизнь необходимую дозу противоядия, состоящего из неприкрашенного опыта, философии и искусства, культура не удостоит вас своим вниманием и останется для вас недоступной. Новое поколение застынет от изумления, поражаясь скудости вашей реальной жизни и мысли; как беден ваш жизненный опыт, как книжно вы судите о жизни. Есть дисциплины, на которые можно наваливаться всем стадом; с некоторыми это невозможно, и как раз их-то вы и избегаете. Посмотрите на ваши сборища, из какой усталости, жажды развлечений и литературных реминисценций они складываются. Наука как таковая переживает период упадка, несмотря на прогресс методик и инструментария. И ваши большие университеты с их богато оснащенными лабораториями и спектаториями, с их лаборантами и спектаторами напоминают арсенал, наполненный орудиями и военными приспособлениями. Такое вооружение пугает, но во время войны ничего этого не понадобится. Так и с большими университетами: они стоят далеко в стороне от культуры, зато настезь открыты для всевозможных сомнительных течений современного бескультурья. Профессор воспринимается как существо необразованное и неотесанное, по крайней мере до тех пор, пока он не сможет доказать обратное. Когда я думаю о вульгарности ваших политических или теологических, воспитанных протестантскими объединениями взглядах или о ваших лингвистических исследованиях, унижающих классические образцы, о вашей индологии, лишенной какой бы то ни было связи с индийской философией; когда я думаю о том уважении, которым пользуются у вас плохие книги, вроде тех, что мастерит Давид Штраус, и не пользуются другие, хорошие, или о том, как ваши профессора издеваются над эстетикой, как в ваших университетах ис-

кусство не поднимается выше уровня самодеятельного мужского хора, как глухи вы ко всему творческому, — мне не остается ничего другого, как только утверждать, что вы не заслуживаете никакой жалости, вы — фабричные рабочие, а в культуре ваша роль лишь в том, чтобы ей препятствовать.

28 [2]

1. *Введение.* Что может философ по отношению к культуре своего народа?
- Кажется, что он
    - а) равнодушный отшельник
    - б) учитель для сотни наиболее умных и способных к отвлеченному мышлению голов
    - в) или враждебный разрушитель народной культуры.
  - Что касается б), то влияние только опосредованное, но оно имеется, как и в случае в).
  - Что касается а), то случается, вследствие нецелесообразности природы, что он остается отшельником. Но его труд остается будущему. Спрашивается, однако, необходим ли он своему времени.
  - Находится ли философ в *необходимом* отношении к своему народу, существует ли телеология философа?
  - При ответе надобно знать, что мы называем его «временем»; это может быть малое или великое время.
  - Главное положение: он не может *создать культуры*, но может ее подготовить, устранить препятствия или умерить культуру и тем ее сохранить или разрушить.

}	всё только отрицающим образом.
---	--------------------------------
- Никогда философ не вел за собой народ ради позитивных целей. Ибо он живет, исповедуя культ интеллекта.*
- По отношению ко всему позитивному в культуре, религии он играет роль *разлагающую, разрушительную* (даже в том случае, когда хочет *созидать*).

Он нужнее всего, когда *надо много разрушать*, во времена хаоса или вырождения.

Всякая цветущая культура стремится сделать философа *ненужным* (или полностью его изолировать). Изоляцию или увядание можно объяснить двояко: нецелесообразностью природы (когда он нужен), целесообразностью природы (когда он не нужен).

II. Его разрушительное и урезывающее воздействие — на что?

III. Теперь — когда культуры нет — он должен подготавливать (разрушать) — что?

IV. Нападки на философию.

V. Философы увядающие.

То и другое — следствие нецелесообразности природы, разрушающей бесчисленные ростки: но ей удались все же несколько великих: Кант и Шопенгауэр.

VI. Кант и Шопенгауэр. Шаг по направлению к более свободной культуре от одного к другому.

Телеология Шопенгауэра в отношении к грядущей культуре.

Его двойная позитивная философия (отсутствует живой центральный росток) — конфликт только для больше-не-надеющихся.

Как разрешит этот конфликт грядущая культура. Олимпийцы. Мистерии. Повседневные празднества.

28 [3]

6 : 100   17
6

—
40

9 зеленых страниц каждая глава.

28 [4]

Все *общеэзначимое* в любой науке стало *случайным* или *вообще отсутствует*.

Изучение языков, без стилистики и риторики.

Индологические исследования, без философии.

Классическая древность, без связи с практическим стремлением, учиться у нее.

Естественные науки, без освященности и покоя, которые находил Гёте.

История, без энтузиазма.

Короче, все науки – без практического применения: ими занимаются иначе, чем занимались бы подлинные люди культуры. Наука как средство заработать на хлеб!

28 [5]

Философией вы занимаетесь с юношами, не имеющими опыта: ваши старцы обратились к истории. Популярной философии у вас совсем нет, зато есть жалкие, школярские популярные лекции. Конкурсные задания, которые университеты дают студентам, – о Шопенгауэре! Популярные доклады о Шопенгауэре! Никакого достоинства. *Как могла наука* стать тем, что она есть сегодня, можно ясно понять только из развития религии.

28 [6]

К *Шопенгауэру*. Смешно, когда представляешь его в нынешнем университете!

Его эвдемонологическое учение предназначено, как и учение Горация, для опытных людей, другое его учение, пессимистическое, вообще не для нынешних людей: эти будут в лучшем случае втискивать туда свое недовольство, а, извлекая его обратно, думать, что опровергли Шопенгауэра. Вся «культура» ведет себя невероятно по-ребячески, таково же и ликование после войны. Он прост и честен: его не интересуют фразы. Какую силу имеют все его концепции, воля, отрицание, изображение гения рода. В его описаниях не беспокойная рябь, а светлая морская глубина под неподвижной гладью или при легчайшем прибое. Он груб, как Лютер. Он строжайший идеал писателя, какой имеют немцы, никто не выдерживал такой строгости. Насколько он исполнен достоинства, видно при сравнении с его подражателем Гартманом. Бесконечное величие в умении схватить суть вещей, без ученой дедукции, без увязания в схоластике. Изучение других представляет интерес,

потому что они сразу попадают на то место, где дозволено научное познание, но ничего далее. Он разбивает обмирщение, а также варварскую силу наук. Он пробуждает громадную потребность: как и Сократ, так же пробуждавший потребность. Но тот призывал науку, этот — религию и искусство. То, чем была религия, было забыто, как и отношение искусства к жизни. Только благодаря пессимизму было снова понято и то, и другое. Насколько глубокой должна быть новая религия, следует 1) из того, что вместе со страхом смерти отпадет мотив бессмертия, 2) всё разделение на душу и тело, 3) понимание того, что от боли существования не избавиться поправками паллиативного свойства: надо быть много радикальнее, 4) отношение к Богу закончилось, 5) сострадание (не любовь к Я, а единство всего живущего и страдающего). Контробраз культуры, когда религия перестает быть возможной. Трагическая резиньяция.

Шопенгауэр противоречит всему, что сегодня *считается* «культурой»: Платон — всему, что тогда *было* культурой. Шопенгауэр заброшен в будущее: сейчас мы уже предчувствуем его миссию. Он — разрушитель враждебных культурных сил, он вновь открывает глубокие основы бытия. Благодаря ему снова становится возможной ясность искусства.

Примечания

Текстологические знаки

— означает одно нечитаемое слово,

-- два нечитаемых слова,

--- незаконченное предложение,

[...] пропуск в рукописи.

Слова, подчеркнутые Ницше одной чертой, переданы курсивным шрифтом, подчеркнутые двумя или более чем двумя чертами, — полужирным.

Примечания Д. Колли и М. Монтинари, в которых в основном даются ссылки на другие работы Ницше и указываются цитируемые им источники, дополнены примечаниями словарно-культурологического характера, подготовленными А.А. Карельским.

Переводы иноязычных (в основном латинских и греческих) выражений и цитат на предшествующих страниц выполнены А.Г. Жаворонковым и А.А. Карельским.

Список сокращений, принятых в примечаниях

РТ — «Рождение трагедии».

ДШ — «Давид Штраус в качестве исповедника и писателя».

ПВИ — «О пользе и вреде истории для жизни».

ШКВ — Шопенгауэр как воспитатель».

26. Весна 1873

Из тетради U I 5b

26 [1] *infinitum... Indefinitum* — бесконечность... конечность (лат.).

Теория эманации, Спир. — Ницше ссылается здесь на труд Африкана Спира «Мышление и действительность» (Denken und Wirklichkeit. Leipzig, 1873).

Копп — Ницше ссылается здесь на сочинение Германа Коппа «История химии» (Geschichte der Chemie. Teil II. Braunschweig, 1844).

- Юбервег*— Ницше ссылается здесь на сочинение Фридриха Юбервега «Обзор истории философии от Фалеса до наших дней» (*Grundriß der Geschichte der Philosophie von Thales bis auf die Gegenwart*. Berlin, 1867).
- 26 [1] *Quidquid est, est; quidquid non est, non est*— см.: Kant, *Principiorum primorum cognitionis metaphysicae nova elucidatio*: Akademie-Ausgabe, Bd. 1. Berlin, 1910. S. 283 (пер. по рус. изд.: Кант. Соч. в шести томах. Т. 1. М.: Мысль, 1963. С. 268–269).
- 26 [5] *Sennerti physica Vitebergae*— имеется в виду труд натурфилософа, последователя атомизма Даниэля Сеннерта (1572–1637) (*Daniel Sennert, Physica hypomnemata de rerum naturalium principiis, occultis qualitatibus, de atomis et Mistione, de generatione viventium et spontaneo viventium ortu*. Francofurti, 1636); в Виттенберге вышел другой труд Сеннерта: *Epitome naturalis scientiae (Vitebergae, 1618)*.
Magneni Democritus reviviscens Ticini— имеется в виду жизнеописание Демокрита, написанное Иоанном Хризостомом Магненом (ок. 1590—ок. 1679) (*Johannes Chrysostom Magnenus, Democritus reviviscens sive de atomis*. Pavia, 1646); в Тицине вышел другой труд Магнена: *Exercitationes de tabaco (Ticini 1648)*.
Maignani cursus philosophicus— имеется в виду труд французского ученого Эммануэля Меньяна (1601–1676) (*Emmanuel Maignan, Cursus philosophicus*. 4 vols. Toulouse, 1652).
- 26 [15] Из писем Гёте Эккерману соответственно: от 18 мая 1824 года, 3 мая 1827 года, 2 января 1824 года и 4 января 1824 года. Ницше цитирует по книге Эккермана «Разговоры с Гёте» (*Gespräche mit Goethe*. Leipzig, 1868).
- 26 [16] Первый набросок к ДШ.
- 26 [18] Ср. ДШ 1.
- 26 [20] Ср. 29 [226]; 32 [4].

27. Весна–осень 1873

Из тетради U II 1

- 27 [1] Набросок к ДШ. Почти весь материал настоящей рукописи посвящен подготовке к написанию ДШ.
- 27 [2] *Système de la nature*— работа философа XVIII века Поля Гольбаха.
- 27 [11] См. в «Политике» Аристотеля (1335b, 26–1336a, 2).
- 27 [12] В «Собрании сочинений» (Vermischte Schriften. Göttingen, 1867. 1, 77).
- 27 [21] См. прим. к 27 [12], т. 1, с. 259, 261 и след., 264 и след.
- 27 [25] См. прим. к 27 [12], т. 1, с. 284, 299, 306, 309, 310.
- 27 [31] *Unusquisque mavult credere quam judicare*— фраза из трактата Сенеки De vita beata (в рус. пер.: «О блаженной жизни») (I, 4).
- 27 [37] Ср. 27 [77].
- 27 [38] Ср. 27 [29].
- 27 [59] Набросок к ДШ.
- 27 [60] Набросок к ДШ.
- 27 [61] Набросок к ДШ.
- 27 [62] Набросок к ДШ.
- 27 [63] Набросок к ДШ.
- 27 [78] Предисловие к ДШ, от которого Ницше впоследствии отказался.

28. Весна–осень 1873

Из тетради Mr XIII 1

- 28 [1] Ср. ДШ 8.